

ЦАРСТВОВАНИЕ АННЫ ИОАННОВНЫ – РЕАЛИИ И ИСТОРИЧЕСКИЕ МИФЫ

Аннотация: Данная статья посвящена изучению одного из важных этапов эпохи дворцовых переворотов в России – царствованию Анны Иоанновны (1730–1740). Это один из тех этапов истории, вокруг которого постепенно выстроилась значительная историческая мифология, которая сильно искажает реальное положение дел. В задачи данной статьи входит анализ объективных итогов внутреннего и внешнеполитического курса России данного царствования, а также выяснение причин появления на свет легенд о «бироновщине», «иностранном засилье», борьбе с ним русского дворянства. Также будет поднят вопрос о масштабах деятельности и направленности деятельности органа политического сыска 1730-х гг. канцелярии Тайных розыскных дел. Рассмотрен национальный состав политической элиты России в 1730-е гг.

Ключевые слова: Россия XVIII в., эпоха дворцовых переворотов, императрица Анна Иоанновна, попытка ограничения самодержавия, органы политического сыска, Бирон, Остерман, Волынский.

Об авторе: Черникова Татьяна Васильевна – доктор исторических наук, профессор Кафедры Отечественной и всемирной истории МГИМО (У) МИД России. Tchernikova1961@mail.ru

Царствование Анны Иоанновны как этап эпохи дворцовых переворотов

XVIII столетие можно условно разделить на три части. Две эпохи грандиозных внутренних преобразований Петра I и Екатерины II, сопровождавшихся не менее великими успехами в области внешней политики, и эпоху дворцовых переворотов, расположившуюся в 1725–1762 гг. между ними.

Эпоха дворцовых переворотов не являлась, как часто приходится слышать «временем безвременья». Она была важнейшим элементом русского XVIII в., без которой это «столетие безумно и мудро» не состоялось бы. Во-первых, после Петра I

наблюдалось истощение ресурсов, сокращение населения страны, что требовало передышки в полосе военных кампаний. Вторых, в сфере глубинной европеизации (не простого заимствования и использования разнообразных западноевропейских новшеств, а преобразования на европейский манер некоторых внутренних основ социокультурной системы России) именно в 1725–1762 гг. случилось кардинальное расширение. Коснулось оно прежде всего области высокой культуры и сферы социально-экономического быта российского шляхетства.

Наша статья будет посвящена царствованию Анны Иоанновны (1730–1740 гг.), а точнее тем парадоксам и мифам, которые бытуют вокруг него. Между тем в эпоху дворцовых переворотов анненское десятилетие сыграло одну из ключевых ролей в области расширения дворянских социально-экономических привилегий. Императрица Анна совершила настоящую революцию, предоставив российскому шляхетству такое же право частной собственности на землю, которым обладало в XVIII в. западноевропейское дворянство.

Ранее в XV–XVII вв. вотчинный уклад оставлял за государем права верховного собственника всей земли и ресурсов страны. Русские служилые люди по отечестве (и фамильная знать, и простые дворяне) были, по сути, вторичными держателями своих поместий и вотчин. Пётр I только укрепил эту конструкцию. Его указ о единонаследии 1714 г. приравнял поместье к вотчине, назвав обе формы «частным именем российского шляхетства», но одновременно отнял и у помещиков, и у вотчинников право продавать, дробить между наследниками, дарить, закладывать свои имения. Их можно было лишь передать одному из сыновей вместе с правом распоряжения доходами. Остальные дети землевладельца были лишены этой привилегии, как и возможности быть наделёнными поместьями от государства, как в прежние века, и должны были довольствоваться жалованием за службу, причём весьма скромным.

Это вызвало недовольство служилого сословия и в ходе «затейки верховников» (попытки ограничения самодержавия в

России) практически все дворянские «проекты», поданные царице, просили отмены указа 1714 г., что Анна Иоанновна и сделала после разрыва кондиций. Пункт о «частном имении» был повторён, а все ограничения в области распоряжения земельной собственностью дворян сняты. Так в России помимо государства и государя появился социальный класс, по-европейски наделённый правом частной собственности на землю.

Не осталась императрица глуха и к некоторым другим существенным пожеланиям дворян, высказанных в 1730 г. Для части дворян ненавистная солдатчина в начале службы отменялась, т.к. был открыт Шляхетский корпус, где дворянские недоросли получали вполне европейское общее и военное образование за казённый счёт и выходили в полки офицерами. В аристократической среде расширилась практика записи малолетних детей в полки, что давало им возможность получить образование дома и офицерский чин по «выслуге лет» к моменту реальной явки на службу. Манифест 1736 г., вступивший в силу по окончании Русско-турецкой войны в 1739 г., ограничил обязательную службу всех российских шляхтичей 25 годами.

Все эти щедроты, казалось бы, должны были создать благодарную память о правлении Анны в «коллективном бессознательном» русского дворянства, а историков заставить оценивать её царствование как дальнейший период европеизации России и укрепления «европейских» позиций российского дворянства.

Успешной и продуманной выглядит также внешняя политика 1730-х. Она закрепила и продолжила курс первой четверти XVIII в., причем с бóльшей наступательностью, нежели это было свойственно первым преемникам Петра I. С воцарением Анны Иоанновны пресеклись попытки маленькой Голштинии втянуть Россию в бесполезные для неё конфликты с датской и шведской коронами в территориальных и династических интересах Киля. На престол слабеющей Речи Посполитой Россия в союзе с Пруссией посадила удобного обеим державам саксонского курфюрста Августа III, сына Августа II Сильного, союзника Петра I по Северной войне. Причём роль русского оружия в

этом деле оказалась решающей. Тем самым были сорваны планы Франции создать из Швеции, Речи Посполитой и Турции «восточный барьер» против роста влияния России в Европе.

Союзниками России в борьбе с Турцией правительство Анны видело Австрию, с которой был заключён внешнеполитический альянс, и Персию, которой ради этого вернули Каспийские провинции, завоеванные Петром I в 1722–1723 гг. Последнее, как и русское вмешательство в польские дела, стало поводом для начала Русско-турецкой войны 1735–1739 гг. Она шла тяжело, с большими потерями, но принесла России победу. По Белградскому миру от сентября 1739 г. Россия вернула себе Азов, обретённый Петром I в 1696 и потерянный им в результате неудачного Прутского похода в 1711 г. Правда, в Азове нельзя было держать флот и строить военно-морскую крепость. Но к России отошли земли в низовьях Днепра, Турция признала русское владычество над Кабардой. Территория на юг от Азова, включая Тамань и Кубань, прежде владения османов, были объявлены нейтральным барьером между империями. Всё это оказалось неплохим заделом для продолжения борьбы за Северное Причерноморье уже в царствование Екатерины II.

Мифология царствования Анны Иоанновны

Из краткого анализа итогов внутренней и внешней политики 1730-х гг. царствование Анны не выглядит чем-то выпадающим из той тенденции развития России, которая сложилась к концу петровской эпохи. Однако в воспоминаниях современников Анны Иоанновны, а особенно, в мемуарах их детей и внуков, среди значительной массы трудов историков, не говоря уже о сочинениях публицистов и литераторов, мы находим иное восприятие царствования суровой племянницы Петра I.

Чтобы не быть голословными приведём несколько цитат курса лекций серьёзного учёного, советского учебника для Высшей школы и материала, взятого из современного интернета. Дань концепции иностранного засилья отдал блестящий историк петербургской школы конца XIX – начала XX вв. С.Ф. Платонов:

«...вся политика Анны, – замечает он, – не только не дворянская, но даже не национальная. Боясь русской знати, поднесшей ей пункты, подвергая её гонениям и даже унижению, опасаясь с другой стороны, политических движений среди шляхетства и помня, что в Голштинии есть родной внук Петра Великого (будущий Пётр III)... который мог стать знаменем движения против неё, – Анна не нашла лучшего выхода, как организовать своё правительство из лиц немецкого происхождения. Это обстоятельство, вызванное неумением найти себе опору в своём народе, в той или иной его части, привело к печальным результатам. Правление Анны – печальная эпоха русской жизни XVIII века, время временщиков, чуждых России. Находясь под влиянием своих любимцев, Анна не оставила по себе доброй памяти ни государственной деятельностью, ни личной жизнью...

При Анне в придворной сфере первое место занимали немцы; во главе текущего управления стоял немец (Остерман); в коллегиях президентами были немцы; во главе армии находились немцы (Миних и Ласси). Из них главная сила принадлежала Бирону» [5:459-460].

А вот выдержка из 5-го издания востребованного учебника для исторических факультетов в 70–80-е гг. XX в. [3:353-355]. «Ленивая и малообразованная императрица, любившая грубые шутки карлиц, не проявляла никакого интереса к государственным делам. Вместо Верховного тайного совета при ней было организовано такое же по компетенции учреждение, но под новым названием – Кабинет министров... Анна тяготилась участием в государственных делах и в 1735 г. издала указ, которым подпись трёх кабинет-министров объявлялась равноценной императорской подписи.

В царствование Анны Иоанновны небывалых размеров достигло влияние иностранцев... Тон при дворе задавал невежественный фаворит императрицы, курляндский немец Бирон. Под его покровительством проходимцы из иностранцев занимали высшие и хорошо оплачиваемые должности в административном аппарате и армии. Многие из них беззастенчиво грабили

казну...

Недовольство русского дворянства иностранным засильем выразил кабинет-министр А.П. Волынский, вместе с кружком единомышленников разработавший «Проект о поправлении государственных дел» ... осуждение действий Бирона и его окружения привели в 1740 г. Волынского и его сообщников на плаху».

Характеризуя свержение регента Бирона, цитируемый учебник назвал его инициатора главу Военной коллегии фельд-маршала Миниха «чрезмерно честолюбивым и столь же бездарным полководцем», семейство правнука русского царя Ивана V Алексеевича младенца-императора Ивана VI Антоновича «Брауншвейгской семьей», потому и свержение регента Бирона и объявление правительницей матери Ивана VI Анны Леопольдовны (внучки Ивана V и двоюродной племянницы триумфатора следующего переворота Елизаветы Петровны) «не могло удовлетворить интересов широких кругов русского дворянства».

И, наконец, возьмём первую попавшуюся в яндекс-поисковике статью на запрос о Бироне (не Википедия, выделение в тексте оригинала):

«При Бироне вообще страна находилась в стагнации, ничего хорошего он не сделал для России. Несмотря на то, что к власти и герцог, и Анна Иоанновна пришли во многом случайно, хорошего все же они сделали немало. Конечно, недостаток образования во многом мешал им. Бирон не закончил университета, а императрица вообще никогда и нигде толком не обучалась. Негативным явлением можно назвать восстановление учрежденного Петром Первым Преображенского приказа, который стал символом наподобие НКВД при Сталине. За 10 лет правления Анны в Сибирь было сослано 20 тысяч человек, а 1000 и вовсе казнено. Это сейчас нам кажутся такие цифры милосердными, а вот для современников Екатерины и Елизаветы это выглядело террором» [13].

Из вышеизложенных текстов следует, что главным бедствием страны было «иностранное засилье», которое вызвало законный протест патриотически настроенных коренных дво-

рян, а его все 10 анненских лет душил орган политического сыска – канцелярия Тайных розыскных дел, направляемая рукой «злого гения» царского фаворита немца Бирона. От того и время получило прозвание Бироновщины.

С такими представлениями о 1730-х гг. автор данной статьи ещё в студенческие годы направилась в архив Древних актов (тогда ЦГАДА), чтобы исследовать политические процессы тех лет, которые со времён выделившего преступления против государственной власти в особую категорию Уложения 1649 г. назывались «государево слово и дело». Стоило крикнуть эту фразу, означавшую, что вы знаете о чём-либо наносившем ущерб царю, членам царской семьи, царской власти и её престижу или деятельности правительства, как начиналось специальное расследование. Законодательство требовало смерти виновного, будь его вина в простой описке в царском титуле или участии в бунте «скопом». Разница была лишь в изощрённости казни, хотя на практике за мелкие преступления типа описок, передаче слухов о монархе и прочих незначительных «поносных» (критических) слов о властях не предавали смерти, а либо пороли на торгу, либо ставили клеймо на лицо, могли отрезать язык, ноздри или уши да сослать навечно в Сибирь.

Из истории канцелярии Тайных розыскных дел

В тетрадке автора, куда следовало делать выписки из следственных дел, первой рубрикой значилось: «протесты против иностранного засилья». Каково же было удивление, когда были исследованы все дела канцелярии Тайных розыскных дел времён царствования Анны, а ни одного (!) дела, где было бы зафиксировано возмущение «иностранным засильем» так и не обнаружилось. Впрочем, к этой рубрике можно было отнести громкое дело кабинет-министра А.П. Волынского. Однако он писал Анне в своём доношении не об иностранном засилье, а о вреде, наносимой одной «некой важной персоной» (подразумевался обер-камергер Э.И. Бирон).

Вторым мифом из эпохи «Бироновщины» оказалась роль

царского фаворита Бирона в работе канцелярии Тайных розыскных дел. Никаких свидетельств «руководства» Бироном канцелярией или его участия в её деятельности в архиве данного ведомства не нашлось. Начальник канцелярии Андрей Иванович Ушаков постоянно докладывал Кабинету министров и также регулярно информировал императрицу о делах, расследуемых канцелярией, причём имел право свободного доступа к царице. Ведомство напрямую подчинялось ей и стояло выше Сената и Коллегий. По бумагам канцелярии, Бирон лишь дважды присутствовал на этих докладах Ушакова у царицы. В обоих случаях глава придворного мира обер-камергер Бирон попросил Анну смягчить приговоры, что последняя и сделала.

Мифом оказались и «шпионы, что у Бирона на ухе лежат». Ни одно ведомство кроме канцелярии Тайных розыскных дел и её конторы в Москве не вели политический сыск и не имели агентурной сети. Этот скачок в работе органов государственной безопасности произошёл впервые в начале XIX столетия в царствование Александра I, а стал частью системы лишь в Третьем отделении Е.И.В. Канцелярии в царствование Николая I. Политические процессы по «слову и делу» времён Анны Иоанновны возбуждались по доносам, чаще всего обычных российских подданных да по приказу самой императрицы и ряда должностных лиц.

И, наконец, четвертым мифом оказались масштабы и формы деятельности самой канцелярии Тайных розыскных дел. Это ведомство явилось преемником органов политического сыска Петровкой эпохи – Преображенского приказа (действовал, как орган политического сыска с переворота в пользу Петра в 1689–1729 гг.) и Тайной канцелярии (1718–1726 гг.). В 1724 г. Петр I думал слить эти органы в единый и успел издать указ о том 13 января 1724 г. На деле реорганизация так и не состоялась. Анна Иоанновна, преодолев кризис междуцарствия 1730 г., решила воссоздать систему политического сыска в стране в духе неосуществлённого петровского начинания. Следуя традиции поручать ведение важных государственных дел доверенным лицам, она велит 24 марта 1731 г. «...важные дела ведать господину ге-

нералу нашему Ушакову; и когда он востребует к привлечению оных дел канцелярских служителей и прочего, то к тому управлению принадлежит и в том по предложению его... решение учинить в Сенате» [6].

На практике ведомство Ушакова заработало в 1732 г. После переезда царского двора из Москвы в Петербург там стала действовать канцелярия Тайных розыскных дел, которая преследовала преступления, возникшие в новой столице и ближайших к ней губерний, а также вела все крупные дела по «слову и делу». В Москве канцелярия имела свой филиал – контору Тайных розыскных дел во главе с московским главнокомандующим родственником царицы С.А. Салтыковым. Московская контора вела дела, поступившие со всей России, их было больше, чем в головном офисе, но они в основном были мелкие. Среди сотрудников и канцелярии, и московской конторы было много служащих из Преображенского приказа и Тайной канцелярии.

С 1732 по 1740 гг. в застенках канцелярии и конторы побывало 10.512 колодников. Почти половину из них отпустили без наказания за отсутствием преступления. 30% колодников пришлось на канцелярию, 70% – на контору. Описи дел канцелярии и конторы насчитывают с 1732 по октябрь 1740 г. 1909 дел. Для сравнения петровские Преображенский приказ и Тайная канцелярия с 1715 по январь 1725 г. провели 992 процесса по «слову и делу». При Елизавете Петровне в 1740-х гг. разбиралось 2478 дел. В Тайной экспедиции, преемнице канцелярии Тайных розыскных дел в царствование Екатерины II, в 1760-х гг. было 1246 дел, 1770-х – 1094, в 1780-х – 992, в 1790-х – 2861 дело [12: 17,36].

Из приведённых данных следует, что царствование Анны Иоанновны в количественном отношении не выделяется резким всплеском активности органов политического сыска. Напротив, в сравнении с правлением двоюродной сестры Анны Иоанновны – Елизаветы Петровны, ведомство А.И. Ушакова образца 1730-х гг. проигрывает как себе при руководстве все того же А.И. Ушакова образца 1740-х гг., так и в объёме политических

дел, проведенных ею в 1750-е гг. царствования «доброй дщери Петра Великого»¹. То же самое можно сказать и в сравнении с активностью органов политического сыска просвещённой «матушки-государыни» Екатерины Алексеевны Великой.

Что касается качества дел, то громкие дела были у всех. Преображенский приказ «прославился» двумя процессами по делу стрелецкого бунта в 1698 г., в результате чего в Москве было казнено до тысячи стрельцов. Позже жертвами петровского политического сыска стал сибирский губернатор князь Гагарин, не говоря уже о сподвижниках приговорённого к смерти старшего царского сына – царевича Алексея. Громкими делами 1730-х гг. явились дело Д.М. Голицына (1736), дело Долгоруковых (1738–1739 гг.), дело кабинет-министра А.П. Волынского (1740). При Елизавете не менее крупными стали дела бывшего фельдмаршала Миниха, бывшего кабинет-министра Остермана и дело Лопухиной, а при Екатерине II – процессы над просветителем-масоном Н.И. Новиковым и просвещённым публицистом А.Н. Радищевым.

В свете всего сказанного интересен вопрос: когда и почему возникли расхожие ныне мифы о «иноземном засилье» и борьбе с ним, подавляемой «страшной» канцелярией Тайных розыскных дел?

Для ответа необходимо решить несколько задач. Посмотреть было ли «иностранный засилье» при Анне в сравнении с предыдущей эпохой? Когда и почему мотивы «иностранный засилья» привлекли к себе пристальное внимание? Кто был заказчиком и «бенефициаром» этого внимания?

Иностранцы в России в 1730-е гг.

Начнем с «иностранный засилья». Высокопоставленные «немцы», приближенные к трону и выполнявшие по царской

¹ По смерти Ушакова в 1747 г. его преемником на посту главы канцелярии Тайных розыскных дел стал доверенный сподвижник Елизаветы Петровны граф А.И. Шувалов. Он же являлся помощником Ушакова с середины 1740-х гг.

воле государственные поручения, появились ещё в XV–XVII вв. При Петре I их число резко возросло – П. Гордон, Ф. Лефорт, братья Брюс, герцог де ла Круа, П. Ягужинский, А. Остерман, Б. Миних. Список можно продолжать, но мы лишь заметим, что наём как высококвалифицированных иностранных специалистов, так и рядовых исполнителей в военной, дипломатической и культурной сферах не был особенностью российской жизни XV–XVIII вв. Он характерен для всей Европы эпохи создания централизованных государств XV–XVI вв. и абсолютизма XVII–XVIII вв. Причём везде иностранцев сопровождали косые взгляды. А в России к этому ещё прибавлялось религиозное осуждение. В свете древнего раскола церковью (1054) инославный христианин на Руси вызывал беспокойство и отторжение у православного духовенства. Под влиянием такого пастырства в простонародной среде мотивы стихийной ксенофобии были широко распространены, что хорошо зафиксировано как в русских исторических источниках, так и в записках иностранцев о России с XV по начало XX вв.

Однако в отношении к «немцам» светской социальной элиты ситуация была значительно сложнее. С середины XVII столетия в ее среде начинают доминировать сторонники западного влияния, которые в царствование «главного западника» царя Петра I определяют дух времени, явно позитивный как к тем иностранцам, которые прибыли в Россию в высоких чинах, так и к тем, кто достиг карьерных высот уже на русской службе.

В этом плане царствование Анны Иоанновны явилось прямым продолжением петровской эпохи. Достаточно взять прекрасную монографию историка XIX в. В. Строева «Бирюковщина и Кабинет-министров». Из неё следует, что в сравнении с эпохой Петра I, в целом число иностранцев на русской службе даже сократилось. Их старались заместить немецкими российскими подданными – остзейскими баронами (лифляндскими и эстляндскими дворянами). Это было выгодно для казны. Настоящим иноземцам приходилось платить больше, т. к. они не имели в России поместий. Кроме того, по мере подготов-

ки отечественных офицерских кадров в открытом в 1731 г. Шляхетском корпусе нужда в найме иностранцев также сокращалась. Лишь флот, состарившийся в 1721–1730 гг., на который при Анне по воле Кабинета министров опять обратили внимание, требовал, как и в петровское время, значительного числа профессионалов-иностранцев². Однако возглавлял Адмиралтейскую коллегию с 1733 г. вице-адмирал русский аристократ Н.Ф. Головин, младший сын видного сподвижника Петра I Ф.А. Головина.

Круг высокопоставленных иностранцев также не расширился. Более того многие из них, служившие в России со времён Петра I, уже обрусели, имели супругами русских женщин, их дети были православными. Никаких перспектив и возможностей за пределами России у таких российских вельмож с иностранными корнями не было. Таков был деятельный, честолюбивый, необузданный и склонный к пьянству худородный любимец Петра I Павел Ягужинский. Он прибыл в Россию ещё в детстве со своей семьёй из Речи Посполитой. При первом императоре был по оценке самого Петра I «оком государевым», занимал важнейший пост генерал-прокурора Сената. Самым ярким представителем названного круга являлся Андрей Иванович Остерман, также выдвигенец эпохи петровских преобразований, вице-канцлер России, воспитатель сына царевича Алексея, а потом и царя – Петра II, главный и несменяемый в царствование Анны кабинет-министр.

Новшеством 1730-х гг. в сравнении с эпохой Петра I, Екатерины I и особенно с кратким царствованием Петра II (1727–1730 гг.) было падение высокопоставленных «великих персон», членов Верховного тайного совета из числа старой русской аристократии. Долгоруковы и Дмитрий Михайлович Голицын, главные инициаторы попытки ограничить самодержавную власть в междуцарствие 1730 г., пали в результате неудачи этого дела.

² В отличие от Шляхетского корпуса Морская академия, созданная в Петербурге в 1715 г. из числа переведенных сюда учеников Московской Навигатской школы, не соответствовала требованиям современных ей европейских морских училищ.

Долгоруковых сослали срезу после восстановления самодержавия в 1730 г., а в 1738–1740 гг. многих из них как участников дела о составлении подложного завещания в пользу невесты Петра II Екатерины Долгоруковой казнили. Д.М. Голицын оказался в Шлиссельбургской крепости в 1736 г., где и умер.

Опала на большинство верховников-аристократов обусловила рост влияния «старых» высокопоставленных иностранцев, унаследованных Анной от прежних монархов. Это касается, Андрея Ивановича Остермана, а также высокопоставленных придворных и дипломатов Екатерины I – остзейцев братьев Левенвольде. Прибывший в Россию в генеральском чине и поднявшийся ещё при Петре I Бурхард Кристоф Миних³ после смерти М.М. Голицына в декабре 1730 г. занял пост президента Военной коллегии, в 1732 г. получил чин фельдмаршала. Кроме них на «самом верху» оказался и один «новый немец». Это был вызванный из Курляндии Анной её фаворит из незнатных немецких дворян Эрнест Иоганн Бирон.

Реальным «серым кардиналом» среди перечисленных особ оказался вице-канцлер А.И. Остерман. Если уж давать ярлыки времени, то справедливее будет назвать царствование Анны не «Бироновщиной», а «Остермановщиной», что прекрасно показали В. Строев и Н.И. Павленко в последней работе «А.И. Остерман». Остерман представлял редкое исключение в среде российской политической элиты начала XVIII в. Он имел высшее университетское образование, обладал исключительной работоспособностью, не брал взяток (в источниках нет доказательств, что брал). Кабинет-министр Остерман замкнул на себя все дела Кабинета министров, а потому играл решающую роль в определении курса внешней и внутренней политики России. В то время

³ Пригласить его на русскую службу подсказал Петру I русский посол в Речи Посполитой Г. Долгоруков. В России под руководством Миниха был построен в 1722–1728 гг. Ладожский обводной канал, налажено судоходство по нему и Неве, построены здесь дороги. При Петре II правитель Петербурга, до 1734 г. генерал-губернатор Ингерманландии и Карелии включая Выборг.

как фаворит Бирон «царствовал» лишь при дворе, занимался конюшенным ведомством, являлся проводником русского влияния в герцогстве Курляндском. Императрица Анна в прошлом курляндская герцогиня, вдова последнего герцога из династии Кетлеров, сделала Бирона наследственным правителем Курляндии. Через правителей-марионеток Россия с петровского времени удерживала это формально автономное от Речи Посполитой государство в фарватере своих интересов. Включение Курляндии (южной части современной Латвии) в состав Российской империи стало одной из задач внешней политики России после Ништадтского мира, венчавшего в 1721 г. победоносное завершение Северной войны.

Существовала ли «немецкая партия»?

Была ли сформирована из высокопоставленных служилых иностранцев вокруг двух «главных немцев» – временщика Остермана и фаворита Бирона – некая «единая немецкая партия», управлявшая Россией, оттеснявшая от трона русских и наносящая ущерб русскому дворянскому сословию?

Итоги сословной политики 1730-х гг., как показано выше, свидетельствуют, что Россия при Анне Иоанновне исправно держалась определившегося в первой четверти XVIII в. курса, а права русского дворянства были серьезно расширены. В опале из русской знати при Анне оказались немногие – род Долгоруковых, Д.М. Голицын с сыновьями, смоленский губернатор А.А. Черкасский⁴ и кабинет-министр А.П. Вольнский. Прочие не потеряли прежнего положения, а многие приобрели высокие чины.

Судя по исследованиям, В. Строева и Е.П. Карновича, никакой «антирусской политики» ни Остерман, ни другие высокопоставленные выходцы из-за рубежа не вели [11,4]. К примеру, А.И. Остерман, через родство со Стрешневыми и Толстыми, ча-

⁴ На Черкасского донесли, что он рассуждал о будущих правах на русский престол малолетнего внука Петра I от его старшей дочери Анны – голштинского принца Карла Петра Ульриха, которого императрица Анна называла не иначе, как «чертушкой из Киля».

стично интегрированный в коренное русское дворянство, при Анне стремился открыто протезировать только русским. Стрешневы, Толстые, Семёнов получили с его подачи награды, чины и поместья; Неплюев – имение; русский посол в Англии Щербатов – прибавку к жалованию. В составленной Остерманом записке о кандидатах на посты президентов коллегий из 20 фамилий не было ни одной иностранной. Против цитированного выше утверждения С.Ф. Платонова, среди реальных президентов коллегий при Анне все за исключением Остермана и Миниха были русскими. Остерман добивался отмены особых привилегий остзейских баронов и выступил инициатором снижения окладов иностранных офицеров на русской службе до окладов русских дворян, в чем его поддержал и президент Военной коллегии Миних [1:177].

Не составляли «немцы» и некой единой «партии». Они постоянно соперничали. К 1733 г. Бирон, Левенвольды и Остерман так опасались честолюбия Миниха, что решили отослать его подальше от Петербурга. Они убедили Анну Ивановну отправить его в Польшу главнокомандующим русскими войсками, сажающим на тамошний престол удобного России в тот момент Августа III. Чтобы ослабить влияние тандема братьев Левенвольде при дворе, Бирон посодействовал назначению К.Г. Левенвольде послом (полномочным министром) в Речь Посполитую, а потом ко двору Габсбургов в Вену. Врагами оказались и две «главные персоны» среди немцев – Остерман и Бирон, а утративший значительную долю своего прежнего влияния П.И. Ягужинский мог ссориться и с Бироном, и с Остерманом, не сильно страдая при этом.

Х.Г. Манштейн⁵, адъютант Миниха с 1739 г., в «Записках о

⁵ Х.Г. Манштейн родился в России в 1711 г. в семье прусского военного на русской службе и российской подданной из остзейских дворянок. До 1724 г. он постоянно находился при отце, позже был отправлен в Германию для получения военного образования. В 1736 г. по совету родных перешёл на русскую службу, участвовал в Русско-турецкой войне 1735–1739 гг.

России» рассказывает, что Ягужинский высказывал о Бироне нелюбезные мнения, ошибочно полагая, что Бирон был главной преградой, не пустившей его в круг «ближайших» к императорской особе. На деле карьера Ягужинского не достигла высот петровских времён из-за противодействия Остермана. А тот имел для этого веские основания отнюдь не личного характера. К 1730 г. Ягужинский превратился из расторопного исполнителя государственной воли, весельчака, души ассамблей в обиженного, вечно пьяного царедворца, склонного затевать ссоры с кем угодно и по любому поводу. Претензии же Ягужинского на близость к императрице были связаны с его поведением в январе-феврале 1730 г. Вначале Ягужинский стал было поддерживать кондиции, но верховники не оценили его рвения, и Павел Иванович превратился в деятельного сторонника самодержавия. Ягужинский через своего человека, посланного в Митаву, первым информировал Анну о недовольстве «затейкой верховников» со стороны дворян, за что и был арестован в начале февраля 1730 г., правда, вскоре и отпущен. Однако, после 25 февраля 1730 г., когда абсолютизм восторжествовал, Ягужинский не вошёл в круг доверенных лиц императрицы, хотя обрёл не мало: стал сенатором, получил в управление сибирские дела, в октябре ему вернули пост генерал-прокурора, а в январе 1731 г. дали титул графа. Миних поддержал его идею об открытии Шляхетского корпуса, правда, Миних же и стал его руководителем.

Ягужинский открыто ругал «немцев». На празднестве в честь получения им графского титула он напился и поссорился с Остерманом, а также нелестно отзывался в адрес Бирона. Вскоре он учинил пьяный дебош в гостях у самого Бирона, причем вынул против хозяина дома шпагу.

Все ожидали ссылки Ягужинского в Сибирь, о чем хлопотал главный кабинет-министр Остерман, но Анна вовсе не являлась марионеткой в руках ближайшего окружения. Здравый смысл побуждал ее выстраивать свою систему сдержек и противовесов, руководствуясь правилом «разделяй и властвуй». Ягужинского лишили поста генерал-прокурора, чина обер-

шталмейстера и отправили в 1732 г. в почётную ссылку послом в Берлин. Впрочем, Бирон, видя расположение царицы к Ягужинскому, решил с ним помириться в расчёте на интригу против Остермана. Он содействовал возвращению Ягужинского в Россию и назначению в апреле 1735 г. на должность кабинет-министра вместо умершего Г.И. Головкина. Став кабинет-министром, Ягужинский с головой ушёл в схватку с Остерманом, но тяга к пирушкам обострила подагру и прочие недуги 53-летнего «борца за власть» и свела его в могилу 6 апреля 1736 г.

Русские влиятельные персоны в 1730-е гг.

Стоит сказать, что не только для иностранцев по происхождению столкновения с Бироном заканчивались благополучно. Например, два процесса над В.Н. Татищевым, обвиненным во взятках и злоупотреблениях, которые вёл Сенат, не наложили на знаменитого чиновника, публициста и историка никакого наказания, хотя взятки брал, властью злоупотреблял, а на стороне его недоброжелателей выступал Бирон. (Очевидно, сыграл не только авторитет автора одного из «прожекторов» 1730 г., но фамильные связи рода Татищевых. Бабушка императрицы Анны по матери была из Татищевых.)

Большинство «звёзд первой величина» русского политического Олимпа 1730-х гг. были коренными подданными Анны, которая, кстати, по крови в отличие от потомков Петра I являлась русской. Огромной властью в Москве, где находился двор в 1730–1732 гг., вначале обладал родной брат матери Анны Иоанновны Василий Фёдорович Салтыков, назначенный московским генерал-губернатором (умер 5 октября 1730 г.). Впрочем, Анна недолюбливала родного дядю за его доносы о её «непотребной связи» с П. Бестужевым-Рюминым, русским резидентом при Курляндском дворе. Большею симпатией у императрицы пользовался дальний родственник, которого она также звала дядей – Семён Андреевич Салтыков. Он с 1727 г. был официальным командиром Преображенского полка. Анна в ходе переворота 25 февраля 1730 г. также поручила С.А. Салтыкову командование

всей гвардией. После переезда двора в 1732 г. в Петербург генерал-адъютант и обер-гофмейстер С.А. Салтыков оставлен в старой столице главнокомандующим с секретным предписанием надзирать за чинами и всеми государственными учреждениями, т. к. он заведовал московской конторой канцелярии Тайных розыскных дел. Правда, Семён Андреевич не склонен был подобно А.С. Остерману или своему начальнику по политическому сыску А.И.Ушакову все свои силы отдавать службе. «Судебные» функции он выполнял «спустя рукава», за что и получил от Анны нагоняй в 1736 г. К 1739 г. главной фигурой в Москве стал Иван Юрьевич Трубецкой, последний из русских аристократов, получивший в эпоху Петра I чин боярина. Его, генерал-фельдмаршала с 1728 г., Анна назначила на возобновлённый пост московского генерал-губернатора. Впрочем, Трубецкой в силу преклонного возраста (72 года) по своей воле 7 месяцев спустя 1739 г. покинул данный пост.

Угасание влияния С.А. Салтыкова никак не сказалось на карьере находящегося в Петербурге его сына Петра Семёновича. Анна ценила и любила его, называла «мой кузен». В 1730 г. этот капитан гвардии получил придворный чин действительного камергера, в 1733 г. удостоился вместе с отцом графского титула, а в 1734 г. в чине генерал-майора под руководством Миниха воевал в Речи Посполитой, командуя половиной находящихся там русских войск.

Уважением при императрице Анне до смерти в 1734 г. пользовался троюродный дядя Петра I по матери канцлер России с 1706 г. Гаврила Иванович Головкин⁶. В междоусобице 1730 г. Головкин предельно ясно выступил за самодержавие,

⁶ При Екатерине I и Петре II Головкин по-прежнему был решающей фигурой в определении нюансов внешнеполитического курса России. К примеру, настоял в 1726 г. на заключении русско-австрийского союза (Венского договора) несмотря на противодействие других верховников. Кстати сподвижником Головкина в этом вопросе и во многом вдохновителем этого действенного и наиболее стабильного в истории России внешнеполитического альянса являлся вице-канцлер Остерман.

причём именно Анны, средней дочери петровского брата царя Ивана V Алексеевича. В её пользу он уничтожил подлинник «Тестамент» Екатерины I, который в случае бездетной смерти Петра II легитимировал переход престола к её с Петра I потомкам⁷. Анна Иоанновна в завещании Екатерины I среди наследников престола вообще не упоминалась. Анна Иоанновна не забыла этой услуги. После уничтожения Верховного тайного совета его член Г.И. Головкин получил пост министра в созданном Анной высшем (после императрицы) органе управления страной – Кабинете министров. Правда, канцлеру шёл уже восьмой десяток лет и он доверял вести дела Кабинета министров вице-канцлеру А.И. Остерману.

Такой же позиции придерживался и третий кабинет-министр русский аристократ Алексей Михайлович Черкасский. Это был богатейший⁸ и виднейший вельможа России при Петре I, Екатерине I, Петре II. Сохранил он своё положение и при Анне Иоанновне. Вторая супруга Черкасского Мария Юрьевна (в девичестве Трубецкая, племянница И.Ю.Трубецкого, дочь его младшего брата Юрия) оказалась в числе наиболее доверенных статс-дам царицы. В январе 1730 г. «партия недовольных кондициями» во главе с А.М. Черкасским и Феофаном Прокоповичем, к которой примыкал генерал-фельдмаршал И.Ю. Трубецкой, доверила трём дамам М.Ю. Черкасской, А.И. Чернышевой⁹ и П.Ю. Салтыковой (невестка С.А. Салтыкова, жена

⁷ Первым претендентом оказывался сын старшей дочери Петра I и Екатерины I Анны двухлетний голштинский принц Карл Пётр Ульрих (будущий Пётр III), второй по очереди являлась его тётка Елизавета Петровна.

⁸ Соединение его собственного состояния с приданным первой жены, двоюродной сестры Петра I Аграфены Львовны Нарышкиной, сделало его самым богатым вельможей России начала XVIII в.

⁹ Авдотья Ивановна Чернышева (в девичестве Ржевская) – одна из фавориток Петра I, выданная им за своего бывшего денщика офицера Г.П. Чернышева, в будущем графа, сенатора, генерала и губернатора Москвы. Не исключено, что некоторые дети Чернышевой являлись

его сына Петра, ещё одна дочь Ю.Ю. Трубецкого) разузнать, как сама Анна относится к ограничению её власти и сообщить, что у неё есть «верные сторонники».

Безусловно, одними из знаковых фигур времён царствования Анны Иоанновны являются русские дворяне – начальник канцелярии Тайных розыскных дел А.И.Ушаков и кабинет-министр А.П.Волынский, представители новой и старой знати. Первый поднялся из беднейших новгородских дворян. Второй аристократ, выведивший род к герою Куликовской битвы воеводе князю Дмитрию Боброку Волынцу.

А.И. Ушаков пользовался огромным доверием царицы. Только в работе его ведомства Анна принимала непосредственное и постоянное участие. Она регулярно слушала доклады, утверждала приговоры, давала прямые указания Ушакову, иногда далёкие от политического сыска. Интерес Анны к канцелярии понятен, если вспомнить, что её царствование началось с фактического переворота, целью которого были разные варианты ограничения абсолютизма в России. Началось с олигархических кондиций, потом верховник Д.М. Голицын предложил проект конституции, а потом с вынужденной подачи самой Анны было представлено не менее 8 «шляхетских прожектов», предусматривавших реформы высших государственных учреждений. К счастью для Анны, эти реформы из «шляхетских проектов» не исключали самодержавия, а настаивали на расширении социально-экономических привилегий шляхетства – отмены единонаследия, сокращения срока обязательной службы, устранения солдатчины для дворянской молодёжи. Эти требования Анна и её правительство услышали и приняли меры. Но часть просьб из «прожектов» правительство проигнорировало.

Для обеспечения безопасности абсолютизма, как государственной системы, необходим был контроль за политическими настроениями шляхетского общества, которое, судя по событиям

отпрысками Петра I. Самой Чернышевой и её первым сыновьям Пётр I пожаловал приличное состояние.

междоусобицы, явно усиливало своё участие в жизни страны. Нужен был орган политического сыска. За примером далеко ходить было не надо. Анна реанимировала петровский указ от 1724 г. и создала канцелярию Тайных розыскных дел, а сподвижник начальников политического сыска петровских времён Ф.Ю. Ромадановского и П.А. Толстого, «пленец гнезда Петрова» А.И. Ушаков оказался как нельзя кстати.

А.И. Ушаков - глава канцелярии Тайных розыскных дел

Сирота, воспитанный с братьями единственным крепостным своей семьи, Андрей Иванович начал службу 20-ти с небольшим лет солдатом-добровольцем Преображенского полка¹⁰. В 1708 г. – капитан гвардии, в 1717 г. – майор. В 1715–1717 гг. побывал в фискалах. Однако большая часть службы офицера-преображенца связана с преследованием преступлений по «государеву слову и делу», которые вёл Преображенский приказ. При создании в 1718 г. Тайной канцелярии он назначен помощником П.А. Толстого, что свидетельствует о большом доверии Петра I.

В конце царствования Екатерины I А.И. Ушаков оказался участником «партии новой знати» во главе с графом Толстым. Кроме него туда вошли А.Л. Нарышкин, Бутурлин, Дивииер. Эти бывшие соратники Меншикова пытались умерить честолюбие «полудержавного властелина», помешав Екатерине I объявить первым наследником престола 11-летнего Петра Алексеевича при регентстве А.Д. Меншикова. Как судьи царевича Алексея, члены «партии Толстого» не желали воцарения его сына. Толстой с Ушаковым были также против кандидатуры старшей дочери Петра I и Екатерины I – Анны Петровны, т.к. её муж «герцог Голштинский смотрел на Россию только как средство добыть престол шведский» [10:76]. Приверженность А.И. Ушакова Елизавете Петровне как наследнице в 1727 г. сыграет не послед-

¹⁰ Есть также версия о зачислении его солдатом потешного Преображенского полка в 1691 г.

ную роль в сохранении им поста главы канцелярии Тайных розыскных дел и в царствование второй «дщери Петра Великого».

Но в 1741 г. это будет уже не главный аргумент в пользу Ушакова как бессменного главы политического сыска России. Опала, последовавшая за участием Ушакова в интриге Толстого, научила его чураться борьбы «придворных партий». В междоусобице 1730 г. Ушаков стоял в стороне от интриг, но, когда оформилась группировка сторонников абсолютизма, он поставил свою подпись под двумя проектами этой «партии» – записками Черкасского и Грекова.

Анна произвела Ушакова в сенаторы, а он сделал своим кредо слепую преданность той персоне, которая в данный момент занимает престол. Он бесстрастно готов был выполнять любое поручение монарха, был глух к «партикулярным» просьбам, неподкупен и способен работать как машина. С 6-7 часов утра и до половины первого ночи фиксирует журнал канцелярии Тайных розыскных дел пребывание её начальника в «светлицах» канцелярии. Своё прямое подчинение императрице Андрей Иванович ценил и берёг. Бирон не вмешивался в его прерогативы, а Остерман довольствовался «пространными экстрактами» из дел канцелярии, которые регулярно оглашал в Кабинете министров сам Ушаков. Кабинет соглашался с решениями начальника канцелярии Тайных розыскных дел. Ушакова уважали и опасались все, за исключением монарха. Так Андрей Иванович, превратившийся в чиновника-функцию, стал удобен, даже незаменим для любого лица, занявшего трон российского абсолютистского государства.

Кабинет-министр А.П. Волынский

А.П. Волынский был прямой противоположностью Ушакову. Детство он провёл в богатом аристократическом доме С.А. Салтыкова, мужа своей троюродной тётки. Службу начал в 1704 г. рядовым драгуном, в 1711 г. ротмистр, а в 1715 г. – посол в Персии. В 1718 г. за успешное посольство произведён в генерал-адъютанты, а в 1719 г. стал губернатором Астраханской про-

винции, где реально смог продемонстрировать административные таланты. Одно время Артемий Волынский сблизился с Петром I, даже женился на его кузине А.Л. Нарышкиной, но вскоре Пётр разочаровался в Волынском. Причинами оказались открытые генерал-прокурором Ягужинским взятки, казнокрадство и произвол Волынского, а также досада императора на трудности начатой в 1722 г. войны с Персией, которых император не ожидал, доверившись убеждениям Волынского в крайней отсталости и военной слабости Персии.

Из-под суда в 1722 и 1724 гг. Артемия Петровича вытаскивало заступничество царской супруги Екатерины Алексеевны. Став правящей императрицей, она назначила Волынского казанским губернатором. Но при Петре II в 1729 г. Волынский опять оказался под судом. Его уличили во взятках на 7 тыс. рублей, избииении архиерея, хищениях из казны и поборах с татар. Взошедшая на престол Анна Иоанновна по просьбе С.А. Салтыкова закрыла дело и назначила Волынского инспектором армии. В этой должности Артемий Петрович трудился исправно, а попутно льстил «сильным персонам» – главе Военной коллегии Миниху, фаворитам Рейнгольду Левенвольде и Бирону. Последний расположился к Волынскому и тот перешёл на службу к Бирону. Он способствовал получению Волынским чина обер-егермейстера. (Кстати, почти одновременно с Волынским другой русский аристократ князь Александр Куракин получил чин обер-шталмейстера также по протекции Бирона.)

Покровительство Бирона сыграло не последнюю роль в получении Волынским чинов генерала-лейтенанта, генерал-адъютанта и назначении в 1739 г. кабинет-министром.

Однако аристократ Волынский не был ординарным честолюбцем, казнокрадом и карьеристом. Он обладал несомненными способностями администратора и государственного деятеля и в кругу друзей-конфидентов из русских и «немцев» рассуждал о государственном устройстве России и необходимости его реформы. Он, судя по всему, признавал абсолютизм «меньшим злом» в сравнении с олигархическим проектом верховников

1730 г., но критиковал главный порок русского самодержавия — его быструю мимикрию в «деспотичество». В его «Генеральном проекте», плане политических реформ, частично сохранившемся в следственных бумагах «деспотическими» представлялись царствования Ивана IV, Петра I и Анны Иоанновны, о которых он писал «кратко и с неудовольствием». Заслон «деспотичеству» монарха Волынский предполагал поставить, дав право Сенату вырабатывать совместно с царской особой все вопросы внутренней и внешней политики. Причём Сенат должен был стать выборным органом, куда избирались бы представители «фамильных людей», т.е. знати. Для простых дворян, составлявших 98% российского шляхетства он планировал создать ещё один выборный сословный орган, чтобы он информировал правительство об интересах рядовых шляхтичей. В проекте 1730 г. «конфидента» Волынского В.Н. Татищева аналогичный орган назывался «Нижнее правительство» [10:464].

Провести в жизнь свою государственную программу Волынский рассчитывал привычным для России способом, отгеснив от дел кабинет-министра Остермана и добившись особого расположения императрицы. В последнем он достиг определённых успехов. Анна сделала его основным докладчиком по делам Кабинета министров. До 1739 г. в этой роли был только Остерман.

Казалось бы, Бирон, выдвинувший Волынского, как противовес Остерману, должен был ликовать. Однако Бирон, напротив, был глубоко обижен поведением своего протеже. Став членом Кабинета министров, Артемий Петрович стал высокомерен с бывшим патроном. Эта черта — подобострастие к выше стоящим, гордость с равными, и презрение ко всем, кто ниже, отличала его характер. Скорее всего, признаки возможного фавора у Анны полностью приглушили осторожность Волынского. Теперь он рассчитывал обыграть и старого временщика, и старого фаворита. Карьерный взлёт Волынского обострил и его прежние «недуги» — склонность к произволу, неразборчивость в средствах и привычку путать государственную казну с собственным кошельком.

Может всё бы и обошлось, если бы замеченная новым кабинет-министром царская симпатия к себе не толкнула его на отчаянный поступок. Он подал доношение-памфлет Анне о вреде, исходящей России от «некой известной иностранной персоны». Принято считать, что подразумевался Бирон. Но многое можно было отнести и на счёт Остермана.

Обоим немцам было от чего всполошиться. Остерман начал «топить» Волынского в своём стиле – исподтишка. Бирон, напротив, поставил вопрос перед Анной ребром: либо я, либо он. Всплакнув, Анна велела А.И. Ушакову исследовать дело Волынского, а также его конфиденентов – президента Коммерц-коллегии Мусина-Пушкина; тайного советника Хрущева, главнокомандующего над строениями Еропкина, секретаря императрицы Эйхлера, секретаря коллегии Иностранных дел де ла Суда, морского офицера Соймонова. Формальным поводом для ареста стал донос служителя Волынского В. Кубанца, попавшего в 1739 г. в застенки Тайной канцелярии из-за взятия им по приказу Волынского ещё в 1737 г. 500 рублей денег из казны Конюшенного ведомства.

Коррупция была не просто болезнью российской государственной системы. Хотя за взятки, казнокрадство и произвол Судебник 1550 г., Соборное Уложение 1649 г. и многие указы Петра I назначали жестокие наказания, власть смотрела на коррупцию «сквозь пальцы», т.к. коррупция являлась частью системы государственного управления, обеспечивала лояльность политической элиты государю. Практически все (Остерман и Ушаков, здесь явные исключения) были «замазаны» и боялись «роптать», т.к. в случае утери доверия монарха, он имел повод законно отослать в застенки любого чиновника, военного, придворного. Дело кабинет-министра ещё раз доказывает эту особенность взаимоотношений высшей государственной власти и социально-политической элиты России XVIII в.

По ходу следствия дознались не только до казнокрадства и произвола, но и до проекта реформ, который никто не велел разрабатывать кабинет-министру А.П. Волынскому, и до его «по-

носных слов» типа: «Государыня у нас дура, и как-де не докладываешь ей, резолюции от неё никакой не добьешься».

За все эти вины 27 июня 1740 г. Волынского, Хрущева и Еропкина обезглавили, остальных сослали в Сибирь. Двух дочерей Волынского заточили в монастырь, а сына отправили в вечную ссылку. Имущество семьи бывшего кабинет-министра полностью конфисковано.

Волынский не дожил совсем чуть-чуть до окончания царствования Анны. Императрица умерла от обострения мочекаменной болезни 17 октября 1740 г. Как и Екатерина I, Анна в соответствии с законом о престолонаследии 1722 г. изъявила свою волю относительно судьбы трона. Императором объявлен её внучатый племянник Иван, родившийся 12 августа 1740 г. Однако регентом монарха-младенца, стали не его родители¹¹ – племянница Анны Иоанновны Анна Леопольдовна и её муж Антон Брауншвейгский, а курляндский герцог и обер-камергер российского двора Э.И. Бирон.

¹¹ Анна Леопольдовна была дочерью Екатерины Иоанновны (старшей сестры императрицы Анны) и её супруга герцога Леопольда Мекленбургского. Отец малолетнего императора Антон Брауншвейгский являлся вторым сыном герцога Брауншвейг-Вольфенбюттельского Фердинанда Альбрехта II и приходился племянником знаменитому прусскому королю Фридриху II Великому. Его как кандидата на руку племянницы императрицы Анны пролоббировал австрийский двор, в Россию Антон прибыл в 19 лет в 1733 г., в брак с Анной Леопольдовной, не испытывавшей к нему никакого чувства кроме раздражения, вступил в 1739 г. Все его 14 братьев и сестёр входили в элиту европейских коронованных особ и влиятельных персон. Сестра Елизавета Кристина вышла замуж за своего дядю Фридриха II, другая сестра Луиза Амалия — за прусского принца Августа Вильгельма, брата Фридриха II. Ещё одна сестра Юлиана Мария стала супругой датского короля Фредерика V. Брат Фердинанд стал знаменитым прусским полководцем. Брат Людвиг Эрнест один год (1741) занимал трон Курляндии, позже был имперским фельдмаршалом, а в 1759–1766 гг. опекуном нидерландского монарха Вильгельма V Оранского.

Не любившие друг друга родители императора Ивана VI пытались каждый по-своему интриговать против полномочий Бирона, но, будучи людьми бесталанными, лишёнными харизмы и энергии, делали это неловко. Ориентировавшихся на Антона Браунгшвейгского арестовали, а принцу А.И. Ушаков на совместном заседании Кабинета министров и Сената пригрозил арестом. Анна Леопольдовна призвала на помощь фельдмаршала Миниха, который с ротой гвардейских солдат ночью с 8 на 9 ноября 1740 г. сверг Бирона и отдал под следствие того же А.И. Ушакова. Анна Леопольдовна объявлена правительницей, а её муж генералиссимусом. Однако родители императора вкупе с неприятелями Миниха постарались ограничить власть организатора переворота 8-9 ноября, и не без помощи интриг Остермана. Не почувствовавший себя первым министром Миних решил надавить на правительницу, подав в отставку. Но его отставка по недалёковидности и неблагодарности Анны Леопольдовны неожиданно для Миниха была удовлетворена. Между тем Остерман, к тому времени крайне больной уже не мог держать власть прежней хваткой, а кабинет-министр А.М. Черкасский, канцлер А.П. Бестужев-Рюмин, князь Н.Ю. Трубецкой, граф Н.Ф. Головин, вице-канцлер и кабинет-министр М.Г. Головкин, поддержавшие, судя по официальным актам и запискам фельдмаршала Миниха и его сына, в своё время Бирона в его стремлении стать регентом, очевидно не прочь были при случае сменить угрюмую, неспособную к государственным делам Анну Леопольдовну на популярную в рядах гвардейцев «весёлую принцессу» Елизавету Петровну. Правда, той пришлось самой возглавить «революцию» 25 ноября 1741 г. и во главе роты преображенцев смести с престола и правнука царя Ивана VI Антоновича и его мать правительницу Анну, приходившуюся Елизавете троюродной племянницей. Верным сторонником Анны Леопольдовны оставался из русских вельмож лишь сын Г.И. Головкина – Михаил Гаврилович, в 1740–1741 гг. вице-канцлер и новый кабинет-министр, соперник по влиянию Миниха и Остермана. Он советовал правительнице Анне Леопольдовне объявить

себя императрицей, а Елизавету Петровну сослать в монастырь. За что и поплатился вскоре ссылкой и умер в 1754 г. на Колыме.

Рождение мифов

С вступления Елизаветы Петровны на русский престол и берёт начало пропагандистская кампания, целенаправленно создающая в обществе дурную славу о царствовании Анны Иоанновны, приблизившей к престолу иностранную «брауншвейгскую династию» (Анну Леопольдовну, её мужа и их сына), и целую череду мер по забвению царствования императора Ивана Антоновича и даже самого его имени. В 1741 г., когда Брауншвейгское семейство ещё надеялось, что их вышлют за границу, указ новой императрицы Елизаветы от 31 декабря 1741 г. требовал сдачи всех монет, медалей, картин, гравюр и прочих изображений императора Ивана Антоновича и текстов, его упоминавших. Читали указ по всей империи. С 1745 г. наличие у кого-либо означенных в указе 31 декабря 1741 г. предметов объявлялось «государевым словом и делом». Императорский дом, как стали называть с указа Павла 1797 г. о престолонаследии всю родню российских монархов (лишь в начале XX в. в преддверии Первой мировой войны в литературе и государственных актах появился термин «династия Романовых»), напрочь «забыла» секретного узника Григория, как велено было именовать поначалу бывшего императора Ивана Антоновича. Его имени не было упомянуто ни на памятнике Тысячелетия России, ни на стеле в честь трёхсотлетия династии Романовых. Но, если о маленьком императоре велено было забыть, то о «засилье иностранцев» при Елизавете стали говорить много.

Действия Елизаветы были вполне закономерны. Придя к власти незаконным способом – путём дворцового переворота, новая императрица имела нужду в оправдании. Она очень удачно смогла совместить этот свой субъективный интерес с потребностью русского дворянского общественного мнения, да и мнения вообще русских людей образованного круга начала 1740-х гг., в подъёме национального по форме и великодержав-

ного по содержанию сознания, которые соответствовали бы новому статусу Российской империи на международной арене.

Правда, сам Бирон в царствование Елизаветы Петровны не стяжал славы «главного злого гения» 1730-х гг. Суд на Бироном времён правительницы Анны Леопольдовны обвинил его в небрежении здоровьем императрицы Анны Иоанновны, в захвате регентства, желании выслать родителей императора Ивана Антоновича за границу и тем окончательно узурпировать верховную власть, а также в притеснении русских и крайнем стяжательстве. Хотя последнее, по мнению враждебно настроенного к Бирону французского посла де ла Шетарди, сводилось к принятию подарков самой Анны Иоанновны. Манифест о винах бывшего обер-камергера и герцога Курляндского, вышедший 18 апреля 1741 г., сообщал о вынесении Бирону смертного приговора через четвертование, заменённом по милости правительницы на вечную ссылку с семьёй в Пелым. Однако, Елизавета Петровна, заняв трон, тут же смягчила участь Бирона и перевела Бирона с его семейством из Сибири в Ярославль. Елизавета помнила, что при Анне Иоанновне, которая явно притесняла её, то стремясь выдать замуж за никудышного иностранного принца, то вообще отправить в монастырь за «непотребства» (любовные истории и страсть к развлечениям), именно Бирон не раз спасал её. Скорее всего, фаворит Анны Иоанновны, имевший добрые отношения с Елизаветой, имел на неё далеко идущие, но затаённые планы. Возможно, хотел выдать «дочь Петра Великого» замуж за своего старшего сына Петра.

Главными «преступниками» манифесты Елизавете объявили не Бирона, а А.И. Остермана и Г.К. Миниха. Судила преступников особая комиссия, куда вошёл глава канцелярии Тайных розыскных дел А.И. Ушаков, а также двоюродный дядя Елизаветы Петровны Александр Львович Нарышкин, генерал-аншеф Василий Яковлевич Левашов, президент Юстиц-коллегии с 1740 г. Иван Юрьевич Трубецкой и Александр Борисович Куракин (получивший высокое придворное звание, как мы говорили выше, с протекции Бирона, с 1736 г. начальник Конюшенного

ведомства, опекаемого Бироном, член суда над Д.М. Голицыным в 1736, сторонник Бирона в его конфликте с кабинет-министром Волынским и, наконец, сановник, первым выдвинувший Бирона на пост регента при Иване VI, попавший при Анне Леопольдовне в небольшую опалу, но тут же прощённый, сенатор при Елизавете с декабря 1741 г.).

Остермана обвиняли в препятствовании Елизавете Петровне в занятии престола в 1730 и в 1740 гг. Остерман, составивший Тестамент Екатерины I и присягнувший выполнять его, «забыл» о нём и в междуцарствие 1730 г., и, когда в критические дни болезни Анны Иоанновны, именно он составлял завещание последней в пользу «Иоанна Брауншвейгского». Здесь стоит напомнить, что новая императрица Елизавета Петровна, оказалась тоже склонной «забыть» некоторые подробности Тестамент 1727 г. А именно то, что в соответствии с этим актом законным наследником русского престола являлась не она, а ее племянник голштинский герцог Карл Пётр Ульрих. О сыне своей родной старшей сестры Елизавета, конечно, помнила, но, выписав его в Россию, назначила только своим наследником. К винам Остермана также отнесли всякие обиды в адрес принцессы Елизаветы, включая планы её замужества в 1730-е гг. За всё это он был приговорён к четвертованию.

Миниха обвиняли в основном в придуманных преступлениях, за которые ему полагалась отсечение головы, – в пособничестве Бирону (!), что забавно уже само по себе для человека, свергнувшего регента Бирона, в государственной измене, казнокрадстве и притеснении русских.

Акцент на «притеснение русских» в «преступлениях немцев» очень важен для манифестов Елизаветы. В противовес иностранной Брауншвейгской фамилии они позиционировали «дочь Петра Великого», прежде всего, как национальную и законную правительницу.

Дела её отца в придворной и служилой среде теперь противопоставлялись мелочному «безвременью» Анны Иоанновны, грубой, мстительной и невежественной. Хотя с точки зрения по-

лученного в детстве и отрочестве образования неизвестно, кто больше преуспел в школьных науках. Елизавета Петровна любила музыку, особенно пение, но ей не дали никаких научных систематических знаний, хотя выучили недурно говорить по-французски, т.к. Петр думал одно время выдать её замуж за французского короля Людовика XV, но эта идея не вызвало сочувствия в Париже. Вдова Ивана V царицы Прасковья Фёдоровна, находившаяся в приятельских отношениях с Петром I, в угоду ему старалась обучать своих дочерей Екатерину, Анну и Прасковью по-новому. Их учили арифметике и начаткам других наук. Анну Иоанновну и её старшую сестру Екатерину обучали также французскому и немецкому языкам. Учителем немецкого был старший брат А.И. Остермана, находившийся на русской службе.

Учитывая менталитет современного ей общества, привыкшего к внушениям и податливого на приказы власти, Елизавета устроила из публичной казни Остермана и Миниха настоящий спектакль, зрителями которого оказались 6 тыс. офицеров и солдат гвардейских полков и тысячи простоллюдинов, сбежавшихся посмотреть на очередное площадное действие.

Эшафот был воздвигнут перед зданием Двенадцати коллегий на Васильевском острове. Остермана и Миниха привезли на обычных крестьянских санях. Впрочем, немцы тоже играли свой спектакль. Держались оба с достоинством, которое, может быть, проистекало от того, что они узнали о клятве новой императрицы никого не казнить смертью. Миних надел свой красный боевой плащ, в котором штурмовал некогда Данциг и Очаков. Когда палач сорвал с Остермана колпак и парик, тот спокойно опустил свою голову на плаху. Тут и было объявлено о царской милости, замене смертной казни на сибирскую вечную ссылку. Остерман с женой Марфой Ивановной (в девичестве Стрешневой) прожил в Берёзове до 20 мая 1747 г., когда и скончался. Миних находился в Сибири до 1762 г., возвращён в столицу Петром III и успел ещё послужить и ему, и Екатерине II.

Екатерина II дала Миниху лесную характеристику. «Не бу-

дучи сыном России, – сказала она, – он был её отцом». Уважение, которое испытывала императрица Екатерина II к Миниху, не утерявшему как бодрости духа в двадцатилетней ссылке, так и служебного рвения после возвращения, хотя фельдмаршалу шёл восьмой десяток лет, реабилитировало его в глазах российского дворянского общества конца XVIII в. Позже позитивного отношения к деятельности Миниха прибавили его мемуары, а также мемуары его сына Эрнеста. В итоге, комиссия, возглавляемая императором Александром II, при отборе персонажей на памятник, посвящённый тысячелетию России, сочла возможным поместить там и фельдмаршала Миниха.

Сыновья А.И. Остермана Фёдор и Иван не были сосланы в Сибирь, хотя были изгнаны из гвардии. Фёдор Андреевич Остерман прослужил 20 лет в Башкирии и отличился храбростью на полях Семилетней войны. К 1762 г. без всяких протекций он дорос до генерал-майора. При Екатерине II стал генерал-поручиком, занимал с 1773 до 1780 г. пост генерал-губернатора Москвы, позже был сенатором. Его младший брат Иван сделал ещё большую карьеру. Он добрался до должности главы внешней политики России – канцлера в 1796–1797 гг., хотя многие современники были не в восторге от его дипломатических способностей. Служебные успехи детей А.И. Остермана поспособствовали возвращению уважения имени последнего. Когда возникла угроза угасания рода Остерманов ввиду отсутствия наследников по мужской линии, то фамилия и графский титул Остерманов был перенесён особым указом Екатерины II от 1796 г. на Александра Ивановича Толстого, внука дочери кабинет-министра А.И. Остермана – Анны.

Однако такое положение с памятью об Остермане и Минихи, сыграло не лучшую роль в «посмертной судьбе» Бирона. Пётр III вернул его из ярославской ссылки, а Екатерина II поспособствовала возвращению бывшего фаворита Анны Иоанновны на курляндский герцогский престол. Разделявший с отцом колымскую и ярославскую ссылку его старший сын Пётр был вновь, как и в 1736 г. при получении отцом первый раз Кур-

ляндского герцогства, объявлен наследным принцем. Однако именно курляндский вопрос в 1762–1795 гг. вызвал прилив очередной «идеологической кампании» против Биронов, где история с фавором Э.И. Бирона при Анне играла не последнюю роль, героизируя уже образ А.П. Вольнского, которого императрица Екатерина II характеризовала не как преступника, а как доброго российского подданного.

Коснёмся подробностей. Э.И. Бирон возвращался в Курляндию, как ставленник России. Он обязывался беспрепятственно пропускать через курляндские земли русские войска, покровительствовать православным и даже открыть в Митаве православных храм. Всё это не обрадовало курляндских баронов, среди которых по-прежнему была сильна партия противников роста русского влияния на герцогство и поклонников формального подчинения Польше. Э.И. Бирон потонул в дрызгах с собственными подданными, а его решения передать престол сыну Петру Бирону нисколько не уладило курляндской фронды. Понятно, что это не придало Биронам уважения в России. Пётр Бирон, теряющий русскую поддержку и не находящий компромисс с курляндским баронством, оказался, однако, успешным дельцом. На имеющиеся у него средства он стал покупать владения за границей. К примеру, княжество Саганское в Нижней Силезии в 1786 г. и часть владений князей Пиколамини в Италии через 6 лет. Пётр Бирон искал сближения с прусской короной и практически не жил в Курляндии, чем злил и курляндцев, и русских. К 1790-м гг. у Екатерины II по мере разделов Речи Посполитой вырисовывался план присоединения Курляндии к России не при посредничестве герцогов Биронов, а с согласия и даже по инициативе курляндского дворянства. Критика Биронов, включая роль Э.И. Бирона, умершего в 1772 г., как вдохновителя Бироновщины при Анне Иоанновне, стала созвучной негодованию на Биронов курляндских баронов. Последние, видя крушение Речи Посполитой, в 1795 г. обратились к Екатерине II с просьбой о вхождении их страны в состав Российской империи. Императрица принудила Петра Бирона прибыть в Петербург и 25 марта

1795 г. отречься от титула курляндского герцога, за что ему причиталась большая пенсия в 100 тыс талеров в год и 1 млн талеров компенсации за утерянны курляндские поместья.

В России пересказывали нелестные отзывы о Бироне, которые были высказаны в мемуарах отца и сына Минихов, а также в записках адъютанта Миниха Манштейна, опубликованных за границей в 1753 г., причём при участии Вольтера. Именно Манштейн по приказу Миниха ночью 9 ноября 1740 г. арестовал Бирона и препроводил бывшего регента на гауптвахту, за что получил чин полковника и поместья. Однако уже в 1741 г. Елизавета Петровна отобрала у Манштейна и чин, и поместья, даже арестовала его на какое-то время, отказав в отставке с русской службы. В итоге бывший адъютант Миниха вынужден был бежать из России в Пруссию, где был принят Фридрихом II. Манштейн свидетельствовал о негативном влиянии Бирона на императрицу Анну, которая, по его словам, «...хотела вникать во все дела и судить обо всём собственными глазами, или глазами своего любимца» [1:26-27].

Манштейн сообщил о 20 тыс. сосланных при Анне по проискам Бирона. Причём говорил он о людях явно состоятельных: «Всё имущество этих несчастных конфисковано и роздано другим, у которых оно тоже недолго оставалось. Таким-то образом в России не только деньги, но даже земли, дома и всякое добро переходят из рук в руки ещё быстрее, нежели в какой-либо другой стране Европы. Я знаю поместья, которые в продолжении двух лет имели трёх владельцев» [1:189]. Манштейну поверили классики отечественной исторической науки С.М. Соловьёв и В.О. Ключевский, поместившие приведённую выше цитату в своих исследованиях.

А между тем, как мы видели из анализа архива канцелярии Тайных розыскных дел, число просто привлечённых при Анне к дознанию канцелярией и её московским филиалом меньше этой цифры в 2 раза, а реально осуждённых в 4 раза. Ссылные среди осуждённых канцелярией и конторой 4827 человек, понёсших наказание по «слову и делу» составили 17%

или 820 человек (4% от той цифры, которую называет Манштейн) [8]. На долю дворянских дел в обоих органах политического сыска в целом пришлось 646 дел или 36%, в Петербурге этот процент поднимался до 46% (из 618 рассмотренных там дел 259 шляхетские и чиновничьи) [12:36].

Но современники Елизаветы Петровны и Екатерины II не знали этой статистики. Зато изрядному кругу людей впоследствии стали известны записки Наталии Борисовны Долгоруковой, дочери петровского фельдмаршала Бориса Шереметева и супруги казнённого по делу о подложном завещании любимца Петра II Ивана Долгорукого. Кроме зловещей фигуры Бирона изпод пера страдалицы Н.Б. Долгорукой, разделившей с мужем сибирскую ссылку и ушедшей вскоре после его казни в монастырь, выростал образ не только Бироновщины, но и ужасной незаконной императрицы Анны Иоанновны. «...выбрана была на престол одна принцесса крови, – писала о событиях января 1730 г. Наталия Долгорукова, – которая никакого следа не имела к короне... Престрашного была вида, отвратные манеры имела, так была велика, когда между кавалерами идёт, всех головою выше, и чрезвычайно толста» [2:13-15].

А вот Никита Иванович Панин глава внешней политики России первой половины царствования Екатерины II и воспитатель её сына Павла Петровича, отроком видевший императрицу Анну, сохранил другой её образ: «...высокий стан и вид величественный внушали к особе её благоговение» [9:400]. Однако обращение Н.И. Панина к эпохе Анны было продиктовано не столько интересом к истории, сколько негодованием просвещённого тайного мечтателя о русской конституции, врага временщичества и фаворитизма, явлением при императрице Екатерине II новых всесильных любимцев. Но порицать Орловых или Потёмкина напрямую было опасно, и Панин обращается, по сути, к жанру исторического памфлета, чтобы эзоповым языком говорить с современниками о современности. Не удивительно, что и в его размышлениях о прошлом центром критики становиться не императрица Анна, а её фаворит Бирон. Он ис-

точник чуть ли не всех бед, включая засухи, пожары, неурожаи и жестокости русских солдат, отправленных выбивать недоимки. «С трепетом поражаемся, – читаем мы в его записках, – народным бедствиям, непрерывные брани, алчное и ничем не обузданное лихоимство Бирона, неурожаи хлебные в большей части России, повергли народ в нищету. Для понуждения к платежу недоимок употребляли ужаснейшие методы, приводящие в содрагания помышляющих об оных; уныние, стоны, слёзы, вопль – распространились по всей империи» [9:409]. Впрочем, Бирон у Панина «был умён и хотя никакого языка не знал порядком, но от природы одарён красноречием» [9:376]. «Здравый рассудок» за Бироном признавал и ещё один публицист эпохи русской просвещённой монархии, «нелюбезный любимец» Екатерины II, критик «повреждения нравов в России» М.М. Щербатов, но подчёркивал при этом, что фаворит Анны был «без малейшего просвещения, горд, зол, кровожаждущ, и не примирительный злодей своим неприятелям» [9:351]. Но больше всего оскорбляет аристократа Щербатова, что при Анне, как, впрочем, и при Петре I, которого Щербатов также осуждает за «деспотичество», «вельможи учинились не советниками, а докальщиками» [9:354] (поддакивающими).

Стоит ли указывать, что мемуаристы Манштейн и Наталия Долгорукова, авторы враждебные Бирону в силу обстоятельств их личной жизни, и к их свидетельствам надо относиться осторожно, а порой и критически. А политические памфлеты всегда отражают былое в кривых зеркалах, перенося в прошлое критерии оценки, выработанные в совершенно иных условиях. Многие развлечения Анны и её двора кажутся просвещённым людям, воспитанным на трудах западноевропейских энциклопедистов, примитивными и грубыми. Мало, чем отличающаяся от празднеств Всепьянейшего собора Петра I, его забав на святки и шутовских церемоний, свадьба обращённого Анной в придворного шута Михаила Алексеевича Голицына (внука знаменитого В.В. Голицына главы правительства царевны Софьи) с любимой шутихой императрицы Авдотьей Бужениновой (то ли камчадалкой,

то ли калмычкой по происхождению) в ледяном доме воспринимается образованными людьми конца XVIII в. верхом низости.

«В 1739 г. (на самом деле в начале 1740 г. – Т.Ч.) по предложению Татищева, – рассказывает Н.И. Панин, – вздумали представить изумлённому взору чудеснейшее позорище. На Неве между дворцом и адмиралтейством построили из чистого льда по всем правилам архитектуры ледяной дом в несколько комнат. Все украшения зодчества, статуйки, рамы и стёкла в окнах, столы, стулья, кровать, печи, словом все внутренние приборы и разная посуда... – были сделаны из льда. Приготовили ледяные свечи и дрова, которые, будучи намазаны нефтью, горели, выточили из льда несколько пушек и мортир с колёсами и спицами, из коих стреляли ядрами с порохом; наделали слонов, дельфинов, деревьев с листьями – всё из льда. Привезли в Петербург по несколько человек от всех народов в России обретающихся. Напоследок ко всему праздновали свадьбу одного из представителей знатнейшего рода...

...признаюсь, что во всём этом вижу верх сумасбродства. Позволительно ли употреблять руки человеческие на работу столь суетную, ничтожную? Позволительно ли столь постыдным образом унижать человечество и посмеиваться над ним? Позволительно ли издерживать государственное иждивение на прихоти и забавы вздорные? ...доброе правительство не должно развращать...

В то время, когда появилось в Петербурге упомянутое глупое позорище, благодательные лучи просвещения, отверзнутые Петром Великим, начали уже согревать умы россиян» [9:403-404].

Оппозиционные умы, родственные по духу Панину и Щербатову, в приезде «в Петербург по несколько человек от всех народов в России обретающихся» могли усмотреть сатирическую параллель с участием инородцев, не владевших русским языком, в Уложенной комиссии 1767 г. Как известно, Уложенная комиссия так и не выработала кодекса новых законов в духе общего блага. Зато она преподнесла Екатерине II, не менее Панина идеализирующей Петра I, аналоги тех же титулов, что и препод-

нёс Петру I Сенат после Ништадского мира, – императрица, мать Отечества и Великая. Позже А.С. Пушкин назовёт такой итог работы Уложенной комиссии фарсом.

Ледяной дом в одноимённом романе И.И. Лажечникова, написанном в 1835 г., станет для читающей публики XIX в. символом мрачной эпохи Анны. Здесь же образ русского патриота аристократа А.П. Волынского окончательно героизируется и одновременно теряет всякую связь со своим историческим прототипом. Дальнейшее развитие этого художественно-идеологического «фэнтази» мы обретём уже в XX столетии в романе В. Пикуля «Слово и дело».

Какие же можно подвести итоги? Во многом элементы исторической мифологии эпохи Анны Иоанновны, возникшие в трудах историков XIX в., были связаны с недоступностью или отсутствием системного анализа архивных документов органов политического сыска, отчего историки пытались реконструировать эпоху, отталкиваясь от мемуаров русских и зарубежных современников Анны Иоанновны, записок их детей и внуков, публицистических памфлетов, депеш иностранных послов и прочих нарративных источников.

Большую роль в формировании представлений авторов этих нарративных документов сыграла целенаправленная, выраженная в манифестах, указах, придворных одах и практических действиях (типа политики, направленной на забвение имени императора Ивана VI) идеологическая кампания Елизаветы Петровны. Её важнейшими частями была также идеализация эпохи и личности её отца императора Петра I, всяческое обоснование через это законных прав Елизаветы на трон и, напротив, унижение династических прав потомков соправителя и старшего брата Петра I царя Ивана V, объявление семьи его внучки Анны Леопольдовны «иностранный династией», а царствования его дочери Анны Иоанновны эпохой «иностранный засилья», принесшего мало добра и много горя россиянам.

Постепенно эти воззрения стали обретать плоть стойкой исторической традиции, особенно в научно-популярной и учеб-

но-исторической литературе, особенно в советской период, что обеспечило расширение роли исторической мифологии при оценке царствования Анны Иоанновны в массовом сознании.

Хотя уже во второй половине XIX в. и в начале XX в. появились серьезные исследования 1730-х гг., где мифология «Бироновщины», «иностранный засилья» и грандиозного политического террора со стороны Тайной канцелярии в царствование Анны подвергнуты критике. Речь идёт о трудах С.М. Соловьева, Д.А. Корсакова, В. Строева, Е. Карновича, И.А. Чистовича, В.И. Веретенникова. В XX – начале XXI вв. появились важные для темы исследования работы Ю. Готье, А.И. Юхта, Н.И. Павленко, Е.В. Анисимова и ряда других историков.

Литература

1. Записки Манштейна о России. СПб.: Тип. С.В. Балашева, 1875. 399 с.
2. Записки кн. Н.Б. Долгорукой. СПб. Синод. Тип., 1912. 70 с.
3. История СССР. С древнейших времён до 1861 г./ Под ред. проф. П.П. Епифанова и В.В. Мавродина. М.: Просвещение, 1983. 574 с.
4. *Карнович Е.* Значение Бироновщины в русской истории // Отечественные записки. 1873. № 10.
5. *Платонов С.Ф.* Лекции по русской истории. СПб.: С.В. Дорофеев, 2011.
6. ПСЗ. Т. VIII. № 5727.
7. РГАДА. Госархив. Разряд VI. Д. 304. Л. 23. Разряд XII. Д. 477.
8. РГАДА. Госархив. Разряд VII. Д. 272. Ч. I-XVIII.
9. Русский двор в 1725–1744 гг. На записки Манштейна о России // Русская старина. 1879. № 11. С. 400.
10. *Соловьев С.М.* История России с древнейших времён. М.: Изд. Соц.-эконом. лит., 1963. Кн. 10. 648 с.
11. *Строев В.* Бироновщина и Кабинет министров. М.: Тип. Моск. Унив., 1909.

12. *Черникова Т.В.* Политические процессы 30-ых гг. XVIII в. в России. Дисс. на соиск. уч. степени к.и.н. М., 1989. 274 с.
13. Электронный ресурс. Мифы или реальность. URL: <http://www.molomo.ru/myth/biron.html>